

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Г. Н. КАНИНСКАЯ

ЕЩЕ РАЗ О ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИИ И ИСТОРИКАХ

В статье синтезированы интервью с французскими историками, рассуждающими о том, как они выбирали свою профессию, кто повлиял на их выбор, о современном состоянии исторической науки и проблемах преподавания истории.

Ключевые слова: *политическая история, школа «Анналов», Институт политических наук – Сьянс-по, историческая антропология, междисциплинарность, культурная история, универсализация исторического знания.*

Историк должен быть способен
ответить, когда общество его спросит.

Из интервью с Ж. Жанненэ. 16.12.2011

Обратившись однажды к жанру устной истории и получив возможность опубликовать в «Диалоге со временем» серии интервью с французскими историками, каждый раз теперь, пребывая благодаря приглашениям Дома наук о человеке в Париже, стараюсь расширить «диалоговое поле»¹. Настоящая статья – третья из цикла, материал для неё собирался в декабре 2011 г. Собственный профессиональный интерес и длительные связи с Институтом политических наук г. Парижа (Сьянс-по) обусловили то, что большая часть собеседников – преподаватели этого института или ассоциированы с ним. Это, главным образом, специалисты по современной политической истории и международным отношениям. Любезно согласились на интервью ныне почетные профессора Жан-Ноэль Жанненэ, Морис Вайс, Жиль Лё Бегек, Элизабет дю Рео и, так сказать, «рядовой профессор» Сабина Жансен. Кроме того, на этот раз мне посчастливилось побеседовать с бывшим директором Дома наук о человеке Морисом Эмаром, представляющим третье поколение знаменитой «школы Анналов», и со специалистом по российской истории, научным руководителем Школы высших исследований по социальным наукам (HEES) Ютой Шерер. Чтобы продолжить логический ряд предыдущих интервью, французским историкам повторялись прежние вопросы². Вместе с тем, учитывая

*Статья подготовлена благодаря поддержке Дома наук о человеке г. Парижа.

¹ См.: *Канинская*. 2009; 2012.

² Что побудило Вас стать историком? Каков был Ваш профессиональный путь, и какое влияние оказала Ваша семья на выбор профессии? Назовите ученых, наиболее сильно повлиявших на Ваше профессиональное становление. Как Вы оцениваете эво-

собственный интерес и продолжающиеся в научном мире дискуссии о преподавании истории и учебниках по истории, я добавила несколько новых вопросов³. Замечу, что интервьюируемые отвечали на них по собственному усмотрению, оставляя некоторые без ответа. Отчасти поэтому, а также исходя из стремления сделать свой цикл более разнообразным с точки зрения подачи материала, данную статью я предпочла написать в виде синтеза полученных интервью, из которых, принимая во внимание заданные вопросы, можно выделить несколько сюжетов.

Сюжет первый. Как выбирали профессию историка?

Жан-Нозль Жанненэ, бывший министр культуры в правительстве Ф. Миттерана, отвечавший в этом ранге за празднование 200-летия Французской революции 1789 г., бывший директор Национальной библиотеки им. Ф. Миттерана, Дома Радио, а в настоящее время ведущий авторскую передачу на радио «Франс-кюльтюр».

Естественно, моя семья сыграла главную роль в моем становлении как историка, причем особенно специализирующегося по политической истории. Я – выходец из либеральной буржуазной семьи, т.е. не из деловых кругов. Дед мой – Жюль Жанненэ был парламентарием во времена Третьей республики, избранным от Левого блока еще в 1902 г. Он оставался депутатом до 1940–42 гг., потом снова был избран и отошел от дел в 1969 г. А в 1932 г. дед стал сенатором, некоторое время даже возглавлял Сенат. То есть он – представитель левой, причем радикальной, традиции. Хотя он в партии собственно и не состоял (имеется в виду партия радикалов и радикал-социалистов – *Г.К.*). Но он – типичный дрейфусар (имеется в виду знаменитое «дело Дрейфуса», расколовшее французов на два враждебных лагеря в 1894–1990 гг. – *Г.К.*). Я обо всем этом в своей докторской диссертации написал. А отец мой был министром в правительстве де Голля времен Пятой республики. Он придерживался скорее взглядов левого голлизма. Вкус к политике у меня возник еще и со стороны моей бабушки по линии матери. Она была тоже очень активной дрейфусаркой. До своего прихода в политику вместе с де Голлем в 1958 г. отец мой был

люцию французской историографии на протяжении последних 30 лет? Какие новые тенденции Вам хотелось бы в ней выделить, и какие из них больше Вас привлекают? Существуют ли сегодня национальные исторические школы, например, французская, американская, немецкая и др.? Чего, на Ваш взгляд, сегодня не хватает французской историографии, и какие новые подходы Вам хотелось бы в ней развивать?

³ Ваше мнение о преподавании истории во Франции и о реформе в системе образования? Что, на Ваш взгляд, в ней положительно и отрицательно? Что Вы думаете о преподавании общих исторических курсов в университетах и месте истории в преподавании в целом? Как Вы оцениваете развитие исторической науки в нашей стране?

профессором университета. Он экономист. У меня еще брат и четыре сестры. С детства я очень много читал разной литературы, потому что все мои братья и сестры учились либо экономике, либо литературе, либо истории. Я был учеником хорошим, поступил в ипокань⁴. После я прошёл по конкурсу в Высшую Нормальную школу (далее – Эколь нормаль), причём сначала хотел специализироваться по философии. Собеседование со мной проводили Мишель Фуко и Жан Ипполит⁵. Они сказали мне, что мой склад ума отнюдь не философский и были правы. Тогда я и остановился на истории, которая действительно соответствовала моим склонностям, вкусу. Это ведь скорее дисциплина, а не наука – история. В то же время, видимо, под влиянием политического опыта моих предков, я постоянно хотел участвовать в общественной жизни. Хотя и профессорская карьера мне нравилась. Я четырежды входил в Сьянс-по как преподаватель, но при этом всегда старался сохранить свободу выбора и никогда не принадлежал к иерархическим кругам Сьянс-по. Диссертацию хотел написать очень быстро, что и сделал за четыре года.

Морис Вайс, ответственный руководитель группы по публикации дипломатических документов Франции после 1960-х гг. при МИДе. На русский язык переведена одна из его работ⁶.

«Почему я стал историком? Точно не знаю. Может, потому, что с детства любил историю, философию, политические науки. И, как всегда, это воля случая. Я учился в Сорбонне, посещал знаменитый семинар по истории 1930-х годов, который вели маститые тогда историки Ж. Тушар, Р. Ремон, Ж. Жирарде. Когда сдал агрегационный экзамен⁷, начал работать над диссертацией. Семья никакой роли в выборе профессии не играла. Она даже меня немного побуждала задумываться о других специальностях, например, медицине, адвокатской карьере».

Жиль Лё Бегек, бывший депутат парламента (1973–1978 гг.), ныне – глава Ассоциации Ж. Помпиду.

Семья в моем профессиональном выборе не участвовала. Маме хотелось, чтобы я поступал в Национальную школу администрации (ЭНА). Я стал историком под влиянием двух обстоятельств. Во-первых, благодаря тому, что однажды летом, оказавшись лет в 14-15 у бабушки, в абсо-

⁴ Название специальных подготовительных классов для поступления в элитные высшие учебные заведения и самих учащихся этих классов.

⁵ Думается, что М. Фуко не нуждается в представлении. Ж.Ипполит – философ, бывший директор Эколь нормаль.

⁶ *Вauss.* 2005.

⁷ Двухуровневые агрегационные экзамены дают право преподавания в лицеях и высшей школе. Сокращенно сдавших их, как и саму процедуру, называют «агреже».

лютно затерянной деревне в Нормандии, где потом началась высадка союзников, на маленьком полуострове Котанта, как бы от нечего делать, приобщился к чтению. У весьма образованного деревенского кюре я нашел два тома под названием «Приход к власти Бонапарта», написанные преподавателем Сьянс-по Альбером Вандалем. Во-вторых, после лица я не поступил туда, куда хотел поступать изначально, а именно – в Высшую Нормальную школу, куда я нацеливался, выбрав при подготовке к «баку» специализацию по литературе⁸. Но я не очень силен был в латыни, знать которую требовалось для прохождения на изучение словесности на довольно высоком уровне. Я провалился по конкурсу в Эколь нормаль, больше не хотел испытывать себя и сразу поступил в Сорбонну. Там я несколько поколебался в выборе специальности между философией и историей, но понял, что все же история интересует меня больше. Так я и открыл для себя историю.

Элизабет дю Рео, экс-вице-президент Университета Париж-3, Новая Сорбонна, бывший директор, ныне – почетный председатель Центра европейских исследований Новой Сорбонны.

Я принадлежу к поколению, которое выросло в конце Второй мировой войны. Я родилась и жила на востоке Франции, в г. Сантье департамента Вогезы, который находился на территории, оккупированной немецкими войсками и, надо сказать, оккупация была довольно суровой. Поэтому я постоянно задавалась вопросом о том, почему французы должны делать то, чего требуют немцы. Я не понимала этого, но понять хотела. Потом, в дни Освобождения, я спрашивала себя, почему пришли американцы, чтобы нам помочь. Словом, все эти вопросы будоражили моё детское воображение. Мне дома часто повторяли: чтобы найти на них ответ, надо изучать историю. Возможно, поэтому в лицее я очень интересовалась историей. К тому же мне повезло на встречи с интересными людьми. Родители мои были тесно связаны с крупными бойцами Сопротивления, которые говорили со мной о своей борьбе. Потом семья моя переехала в Нормандию, где мой отец рассказал мне о депутате от округа Эр этого департамента Пьере Мендес-Франсе⁹. Однажды я сопровождала отца на большое собрание в мэрии. Правда, мой отец не был радикалом, как Мендес, он был христианским демократом, поэтому иногда критиковал Мендеса. А я удивлялась, откуда и почему такая критика, иногда думала, что, может, радикалы слишком светские, слишком активно высту-

⁸ Письменный экзамен на бакалавриат (сокр. *бак*) учащиеся сдают по окончании лица, и он служит критерием при поступлении в высшее учебное заведение.

⁹ Мендес-Франс был премьер-министром Четвертой республики в 1954–55 гг.

пают против частных религиозных школ. Ещё, однажды меня удивила фраза отца, когда он, придя домой, сказал: “Сегодня родилась новая Германия” [имеется в виду образование ФРГ в 1949 г.]. Вскоре и правда появилось новое поколение немцев, которое стало контактировать с Францией. Все это меня очень удивляло. Потом последовал мой первый вояж за границу, в Рейнскую землю Германии в составе молодежной группы христианских демократов. Во время этого путешествия мы встретились с итальянцами. Это было в 1950-е гг., когда закладывались основы контактов христианской демократии. Меня очень впечатлили также события, связанные с оставлением французами Индокитая [1954 г.], поражением Франции во время Суэцкой экспедиции [1956 г.] и с советской интервенцией в Будапешт [1956 г.]. Ответы лицейских профессоров на вопросы по поводу всех этих событий меня не удовлетворяли, и тогда я начала читать. Я очень много читала, в том числе биографий. Учебу начала в католическом институте г. Анже, затем продолжила в университете Ренна, где меня поначалу очень привлекла история Латинской Америки, и я даже подумывала взяться за изучение языка. Но к началу 60-х гг. я твердо решила поступить в Сорбонну. Там меня увлекла древняя история, особенно археология. Однако надо было выучить греческий язык, а у меня не получилось его хорошо освоить. И тут профессор греческого посоветовал мне обратиться к Жану-Батисту Дюрозелю¹⁰, который только что пришел в Сорбонну и предложил студентам работать в его семинаре по истории Первой мировой войны с прицелом на защиту диплома, а потом и диссертации. Я записалась в этот семинар, а когда мне надо было выбирать тему диссертации, появился закон об открытии архивов через 30, а не 50 лет после событий. Так для меня открылась возможность заняться новейшим периодом истории, и я начала работать в специализации «политические науки» над темой о политике Э. Даладье.

Сабина Жансен - доцент по истории в Национальной консерватории ремесел и искусств (КНАМ), соредактор Ж-Ф.Сиринелли в электронном журнале «Политическая история», выпускаемом Сьянс-по.

Я не собиралась становиться историком. Я обожала литературу, много читала, писала стихи и, не имея четкого представления о том, чем бы хотела заняться в будущем, думала, что так или иначе моя профессия будет связана с литературой. Однако я очень рано познакомилась с историей. Мой отец, по профессии врач, обожал средневековую литературу и вообще историю средних веков. И уже когда сама я стала заниматься историей, я узнала, что он после окончания учебы на медика записался

¹⁰ Подробнее о Ж-Б.Дюрозеле см.: *Канинская*. 2002.

в Сорбонну, на лицензиат¹¹ по истории. Он сам мне никогда об этом не говорил, но за него говорила его библиотека. В ней были и повествования о Трое, и такие книги как «Тристан и Изольда», «Песнь о Роланде». Кроме того, там были труды известных ученых по истории средних веков, таких как Марк Блок и Робер Бутрюш. Я помню, что еще в колледже прочла книгу Регины Перну «Об окончании Средних веков». Таким образом, можно сказать, что мой интерес к истории развивался параллельно с интересом к литературе. Например, меня очень впечатлили повествования о чуме в Марселе в 1720 г. в книге Марселя Паньоля «Время любви» и о японской оккупации Китая в межвоенный период в романе «Сын дракона» Перла Бака. Решающими и определяющими для меня стали два последних класса лицея, где я специализировалась по философии, и где очень много внимания уделялось истории. И мне посчастливилось иметь двух блестящих преподавателей по истории и географии. Во время подготовки к бакалавриату я читала много романов, свидетельств и аналитических трудов по программе подготовки, которая касалась первой половины XX века. Меня, семнадцатилетнюю, очень впечатлили книги Де Голля «На острие шпаги», «За профессиональную армию» и «Раздоры в стане врага». Сдав экзамены на бакалавра, я поступила в подготовительный класс лицея Генриха IV, намереваясь готовиться к конкурсу в Высшую Нормальную школу на специальность «современная литература». Но так как у меня были самые высокие оценки по истории, я одновременно записалась на конкурс по истории в университет Париж-IV. В Эколь нормаль я не прошла, поэтому начала учиться на лиценциате по истории в Париж-IV. Тут для меня и открылась история. Особенно мне нравилась древняя история. А так как уже в первый год я получила самые высокие оценки, то поняла, что история – это мое призвание. В то же время, я не была уверена в своем призвании на преподавательском поприще, поэтому решила на всякий случай или, как говорят, быть или не быть, попытать счастья в Сьянс-по, куда и записалась параллельно на втором году обучения с Париж-IV. Там я выбрала специализацию «Политика, экономика, социальная жизнь» на отделении «Информация и коммуникация», что мне позволило освоить многие другие смежные дисциплины, изучая при этом историю. Одновременно я записалась в Париж-IV под руководство Ж.-М. Майера для подготовки диплома о Пьере Коте. Мой выбор новейшей истории логически был обусловлен тем, что надо было как-то сочетать научные интересы, будучи еще и студенткой Сьянс-по, где изучали только XX век. Однако если быть искренней, но-

¹¹ Диплом лиценциата получают во Франции после 3 лет обучения.

вейшая история не была для меня предпочтительной. Меня больше привлекали древняя история и средние века. Получение диплома Сьянс-по тут же открывало передо мной множество возможностей для работы в промышленности или в прессе, но я решила все же сначала закончить и дипломную работу о Пьере Коте. Труд исследователя очень меня привлекал, поэтому я записалась на DEA в Сьянс-по¹². А по окончании DEA мне предложили написать диссертацию, что я с радостью приняла. Как только я начала работать над диссертацией, Ж.-М. Майер и С.Берстайн (соорудитель в Сьянс-по. – Г.К.) сразу же меня предупредили, что университетскую карьеру очень трудно сделать без агрегации. Поэтому, работая над диссертацией, я сдала и агрегационные экзамены. Работа над агрегационным конкурсом требовала изучения не только новейшей истории, доминировавшей в Сьянс-по. Год работы над агрегационным конкурсом был важен для меня по многим причинам. Три года я получала пособие как помощник учителя, потом стала почасовым преподавателем в университетах Кретей и Нантер, что позволяло иметь несколько часов работы в неделю, а оставшееся время заниматься диссертацией. Затем я стала преподавателем-агреже в КНАМ, наконец, после защиты докторской в Сьянс-по я избрана доцентом КНАМ».

Морис Эймар снискал широкую известность далеко за пределами Франции, в том числе и у нас, как продолжатель дела Ф. Броделя¹³ в «школе Анналов». В российском научном сообществе многие признательны ему за то, что в бытность директором Дома наук о человеке он всячески содействовал приглашению отечественных специалистов для стажировок во Францию.

Мой выбор профессии историка был продиктован семейным происхождением. Я внук историка времен Третьей республики. Дед мой был учителем, потом инспектором по начальному образованию при Академии наук, писал учебники по преподаванию истории в начальной школе. Отец мой был профессором истории Древнего мира в университете. То есть я рос в семье, где говорили об истории, дискутировали на исторические темы, где водились книги по истории. Зачастую говорили о политике, о проблемах современной истории, Второй мировой войне, холодной войне, о партиях. Два обстоятельства повлияли на мой выбор. Во-первых, отец мой не хотел, чтобы я, как и два моих брата, повторяли его профессиональный путь. Братья последовали советам отца, выбрали другие профессии, а я, заключив компромисс с отцом, в 1957 г. прошел конкурс

¹² Диплом углубленного изучения (DEA) до перехода на Болонскую систему во Франции писали 2 года те студенты, которые хотели защищать диссертации.

¹³ Подробнее о Ф. Броделе см., например: *Смирнов*. 2002.

в Высшую Нормальную школу, где выбрал специализацию по истории. Отец согласился с моим выбором, но сказал, что не хотел бы, чтобы я занимался древней историей. А я начал все же в школе ей заниматься. Однако, учась в Эколь нормаль, в конце первого года я стал колебаться, задумываться о будущей карьере и решил поступать по окончании в ЭНА, что было тогда очень популярно у моего поколения. Поэтому с 1958 г. я приступил к более серьезному изучению не истории, а административных наук. К тому же мне не хотелось заниматься историей Франции, потому что тогда особенно популярна была история Французской революции, и тему эту крайне политизировали, проходило много острых дискуссий, в которых мне совсем не хотелось участвовать. И я вдруг решил изучать турецкий язык, чтобы специализироваться по истории Османской империи. Это был мой поистине первый личный выбор.

Юта Шерер неоднократно бывала в нашей стране, сохраняет научные связи со специалистами из разных уголков мира.

Я немка, моя семья покинула Восточный Берлин и перебралась в Западную часть, когда была построена стена (имеется в виду Берлинская стена, возведённая в 1961 г. – Г.К.). Так что юность моя и моё историческое сознание развивались в условиях раздвоенности. Во-первых, под влиянием того, что немцы сделали, из-за их ответственности за Вторую мировую войну. А во-вторых, под влиянием последовавшей за ней холодной войны. Так как ребенком я жила в Восточной Германии, там я изучала русский язык. Учительница не очень владела грамматикой, но обожала русскую литературу. В результате, уже в первый год обучения мы читали Тургенева по-русски. Можете представить? Это было очень трудно, и я ничего не понимала в языке, но что поняла, так это то, что русская литература – это русская душа. И так как дети очень чувствительны, то у меня оставалась любовь к России даже в условиях раскола Германии. И я попыталась соединить две вещи: историю и литературу.

Подытоживая воспоминания моих собеседников о том, как они «пришли к истории», нельзя не увидеть, что профессиональный выбор каждого из них складывался под влиянием разных обстоятельств: семейных традиций, реалий тех лет, целенаправленных усилий или случайного стечения событий. Налицо перекрещивание разных факторов, но, тем не менее, один из них, безусловно, был решающим. И связан он с тем, что всем им, ныне тоже признанным специалистам, посчастливилось приобщиться к творчеству мэтров от истории.

И это определило *второй сюжет статьи – под чьим влиянием становились историками?*

Жан-Ноэль Жанненз: Первым моим университетским преподавателем был П. Ренувен, у которого я и писал дипломное сочинение, посвященное переписке бойцов в 1914–18 гг. Работал в архивах Жандармерии, что было чрезвычайно интересно. В то время ведь нельзя было защищать исторические работы без привлечения архивных документов, а тогда по закону они становились доступными для исследования после пятидесяти лет с момента прошедших событий. П. Ренувен поразил меня широтой взглядов, глубиной подхода и в то же время открытостью, чувствительностью. Он ведь участник Первой мировой войны, потерял руку, прошёл через газовую атаку. В моё студенческое время историю войны изучали традиционно: писали о славе и знаменах победы, Версальском мирном договоре, но никогда не касались тяжестей и горестей войны. Ренувен первым начал от такого подхода отходить, что меня очень впечатлило. Еще во время учебы меня вдохновлял профессор по истории Византии – Поль Лемер. Он читал курсы в Сорбонне, а потом стал профессором в Коллеж де Франс. П. Лемер обладал даром красноречия, политического трибуна, а это я считаю очень важным в преподавании. Потом, очень я любил Анри Марру и, конечно, Рене Ремона. Я встретил его здесь, в Сьянс-по. Он с Франсуа Гогелем вел семинар по 1958-му году, точнее – по созданию Пятой республики. К тому же Р. Ремон общался с моим отцом. Под его руководством я защитил диссертацию, посвящённую моему деду, а позже, в 1968 г., он пригласил меня в университет Нантер¹⁴, где я стал его ассистентом. Тогда очень легко было получить пост в университете, потому что во взрослую жизнь входили дети, рожденные между 1939 и 1940 гг. У Р. Ремона меня особенно поражал его либерализм. Он ведь был католик, а я и моя семья придерживались светских взглядов. К тому же, хотя я и не состоял в Соцпартии, я – левый политик. Для меня очень важна личность Жана Жореса. Ремон совершенно не боялся молодых талантов. В эти бурлящие годы он в Нантере создал маленькую блестящую команду специалистов по новейшей истории, куда вошли Ж.-Ж. Беккер, С. Берстайн, я и др. Ремон был убежден в том, что история необходима обществу. Когда я возглавлял Национальную библиотеку Франции, а Р. Ремон был уже болен, я провёл конференцию в его честь. Туда же я собрал его архив. Безусловно, важнейшая школа – это «Анналы». Я очень ценю творчество М. Блока, много читал его. «Анналы», естественно, сильно обогатили историческую науку. Они привили

¹⁴ Университет Нантер (Париж-Х) считается одним из ведущих вузов, готовящих специалистов по новейшей истории. Особенно славится его библиотека по новейшей истории – BDIC. Со студенческих волнений в Нантере начался Май 1968 г.

вкус к красивому написанию исторических трудов. Жоржа Дюби, Жака Ле Гоффа я тоже выделяю как крупных представителей этой школы. Но для новейшей истории «Анналы» никакой роли не сыграли. У них было лишь два специалиста в этой области – Пьер Нора, мой друг и по сей день, и Жан Жюльяр. «Анналы» – это очень закрытая школа. Я им предлагал однажды по наивности статью, однако мэтры ее не приняли потому, что я не из них. Словом, школа занималась исторической антропологией и политической историей лишь применительно к древности и средним векам. Если говорить о специализации по международным отношениям, то тут большим авторитетом для меня был Ж.-Б. Дюрозель. Назову также Алэна Корбэна, которому сейчас 75 лет; он существенно обновил историю коллективной чувственности, написав очень хорошую книгу по истории проституции, парфюмерии, гомосексуальности, физического наслаждения. Вспомню и прекрасного специалиста по новейшей истории Даниеля Роша, Мишель Перро, Мону Озуф. Вообще, это знаковое событие – появление женщин в исторической науке. Когда я учился в Сорбонне, там их было очень мало среди профессоров.

Морис Вайс: Из тех, кого я особо почитаю, не стану перечислять ныне живущих, чтобы кого-то случайно не обидеть, а назову тех, кого уже нет с нами. Это Ж.-Б. Дюрозель, П. Ренувен, Р. Ремон. Все они были прекрасными историками и в то же время – большими гуманистами, очень уважаемыми людьми.

Жиль Лё Бегек: Диплом лицензиата я получил в 20 лет, в 1963 г. В Сорбонне меня сразу очень впечатлил П. Ренувен. А по истории международных отношений в новейшее время – Жак Дроз. Он был именитым профессором, и жаль, что он, втянувшись после Мая 1968 г. в авантюру с экспериментальным университетом Венсенна, заработал там инфаркт¹⁵. Серьёзно на меня повлиял заведовавший кафедрой истории Византии Поль Лемер. Я сильно увлекся этой историей, но для более серьёзных дальнейших исследований надо было выучить греческий язык, что давалось мне с трудом, и, в конце концов, я отказался от этой идеи. К тому же во время сдачи в 1966 г. агрегационных экзаменов я увидел Р. Ремона, который был членом жюри. Он тоже меня заприметил, а я, готовясь к экзамену, прочел его работы, и сам хотел с ним работать. Хотя у нас с Ремоном сложились очень плодотворные интеллектуальные контакты,

¹⁵ Речь идет об экспериментальном университете, созданном по американской модели Министерством национального образования сразу по окончании студенческих бунтов Мая 1968 г. в пригороде Парижа Венсенне. Эксперимент оказался неудачным, так как в него пришли левачки настроенные студенты, которые по-прежнему были охвачены идеей революции, а не учёбой, и в 1969 г. университет был закрыт.

к кругу его близких учеников я никогда не принадлежал, потому что работал и жил под Парижем и не мог приезжать на его семинары. К тому же тогда я увлёкся политической карьерой. По сути, вокруг Ремона сложилась «школа Нантера». И благодаря этой школе политическая история превратилась в важную составляющую исторической дисциплины.

Элизабет дю Рео: Кроме Ж-Б. Дюрозеля, сыгравшего судьбоносную роль в становлении моей профессиональной карьеры, назову ещё некоторых учителей, способствовавших моему научному росту. Это П. Ренувен, П. Шоню, молодой в то время преподаватель Сорбонны М. Эмар. Говоря о впечатлениях об историографических дискуссиях времен моего студенчества, хочу отметить, что в то время, когда над темой Революции 1789 г. активно работали и шли в авангарде коммунисты, было совершенно невозможно в семинаре у А. Соболя брать такие темы, как Вандея, т.е. критиковать некоторые аспекты революции. А с Ж-Б. Дюрозелем мы очень много обсуждали и эту тему, и «школу Анналов». В его семинаре мы могли свободно и критически говорить о марксистской историографии. Например, там я познакомилась с Ж. Дюби, который, хотя и был марксистом, но тогда уже несколько от него дистанцировался. Особенно на меня произвели впечатление дебаты о происхождении Первой и Второй мировых войн. Словом, наша группа у Ж-Б. Дюрозеля была очень активной в научном плане. Из нее вышло много видных ученых. Например, П. Мильза, М. Вайс. В рамках этой специализации по истории международных отношений, затрагивались темы, связанные с Россией, но из-за недоступности российских архивов исследования были затруднены. Гораздо лучшие контакты развивались с Великобританией; побывала я и в США. Очень большую роль в моей карьере сыграл Р. Ремон. При подготовке диссертации я работала с архивами Э. Даладьё в возглавляемом им Фонде политических наук. Благодаря Ремону, я познакомилась с членами семьи Э. Даладьё, брала у них интервью. Там же, в Сьянс-по я установила научные контакты с другими крупными специалистами: П. Мильзой, С. Берстайном, с их Высшим циклом социальной истории XX века¹⁶. То есть у меня как бы две научные семьи: Сорбонна и Сьянс-по. Я не забуду первую крупную конференцию, организованную в Сьянс-по в 1970-е гг. по истории 1940-х годов, где мне довелось выступать впервые. Потом были другие важные конференции: по истории Виши, по президентам Франции. На них я познакомилась с двумя видными специа-

¹⁶ Автору данной статьи также посчастливилось длительное время участвовать в работе этого цикла: в 1990–91 и 1993–94 гг. – в качестве стажёра, а в 1995–2002 гг. – практически ежегодно в качестве приглашённого профессора.

листами по истории колониальной политики – Р. Ажероном и Б. Стора. Надо отдать должное и культурной истории, начало развитию которой положил Паскаль Ори, а ныне продолжает Ж-Ф. Сиринелли.

Сабина Жансен: На мое формирование как историка повлияло много профессоров: Жан-Мари Майер и профессор средневековой истории Доминик Бартеlemi в Париже IV, Серж Берстайн, Жан-Пьер Азема – в Сьянс-по. Они научили меня строгости и четкости в исследовательской работе. Пьер Шоню, профессор новой истории, лекции которого я слушала во время лиценциата в Сорбонне, научил меня относиться к истории как к рассказу и включать воображение. Его курсы о религиозном сознании в XVI столетии, несмотря даже на то, что он прибегал к некоей преподавательской фантазии, свидетельствовали о том, что он крупный историк, способный к большим обобщениям и синтезу, к раскрытию глубоко запрятанных тайн ментальности. Кроме того, он открыл мне труды Люсьена Февра. Я восхищалась также другим историком, которого не знала, будучи студенткой – Полем Вейном, профессором кафедры по истории Рима в Коллеж де Франс. В нем меня поражала широта взглядов и критическое мышление. В Сьянс-по, помимо Сержа Берстайна, блестяще читавшего общий курс по методологии истории в сравнительной перспективе с социологией и политологией, я очень ценила как педагога Жана-Пьера Азему. Сначала я посещала его спецкурс как студентка, затем – как слушательница DEA, где он вместе с Мишелем Виноком в Высшем цикле социальной истории XX века вел спецсеминар «История и литература», и я с огромным удовольствием изучала творчество писателя Жана Жионо, снова как бы вернувшись к моему литературному призванию. В Сьянс-по меня восхищал остротой анализа и качеством риторики Жан-Ноэль Жанненэ. Он дал мне, молодому специалисту 1990-х гг., советы, которым я следую до сих пор. Позднее у меня установились очень важные и плодотворные связи с Жоржем-Анри Суту (бывший профессор университета Париж-IV, ныне член французской Академии наук – Г.К.) и Жаном-Франсуа Сиринелли, которые были членами жюри на защите моей диссертации. Широта их взглядов и эрудиция, я думаю, должны служить примером. Наконец, хочу упомянуть Рене Ремона. Я не была в строгом смысле слова его ученицей и знала его лишь немного, когда он возглавлял Национальный фонд политических наук. Он сочетал настоящий литературный талант с глубоким мастерством исторического синтеза и анализа. Я почитала его с самого начала моей подготовки к высшей школе и потом в Сьянс-по.

Морис Эмар: Ко второму году обучения в Эколь нормаль в моём историческом самосознании всё перевернулось и определилось после встречи с Ф. Броделем. Он тогда был профессором в Коллеж де Франс, работал в Практической школе высших исследований, а в нашу школу был приглашен инициативной группой молодых специалистов, причем не только историков, но и социологов, географов, вышедших из Эколь. Это было новое поколение молодых людей, рожденных между 1920 и 1925 гг., так что после Второй мировой войны им было лет по двадцать. В их числе социолог А. Турен, историк Ж. Ле Гофф и др. Они написали директору Эколь нормаль философу Ж. Ипполиту, специалисту по Гегелю, письмо с просьбой организовать цикл лекций, приглашая для чтения на каждую лекцию уже зарекомендовавшего себя тогда в научном мире специалиста, причём не только по истории, а вообще по гуманитарным наукам. Это было в 1958 г., когда Ф. Бродель в «Анналах» опубликовал свою программную статью по истории и социальным наукам об истории большой длительности. Причем я тогда не очень хорошо знал его труды. Про Средиземноморский мир, например, книгу ещё не прочел. Да и много университетских профессоров критиковали тогда Броделя, не совсем принимая его идеи. Его труды называли чересчур общими, литературными, поверхностными. После лекции я заговорил с Ф. Броделем, рассказал, что занимаюсь Османской империей, и он мне предложил встретиться, а во время встречи – работать вместе с ним, поискать стипендию для поездки в Венецию, где посоветовал собирать источники по торговле хлебом в Средиземноморье. Так, с февраля 1958 г. я начал работать с микрофильмами, пришедшими из архива Венеции, по ним изучал итальянский. А с августа 1958-го и до февраля 1959 года я работал в архивах Дубровника, потом в Турции, в Греции и Венеции. Эти шесть месяцев привили мне вкус к историческим исследованиям. Именно Ф. Бродель меня сделал историком. Причем меня интересовала не лекционная работа, а именно исследовательская. Я стал специалистом по истории капитализма в средневековой Европе в начале новой эпохи, защитив диплом DES¹⁷ объёмом в 200 страниц. Но я продолжал посещать семинары Броделя и после получения диплома, прочел, наконец, его книгу о Средиземноморье. Словом, я нацелился на исследовательскую работу. Ф. Бродель своими трудами убедил меня ещё и в том, что историю надо писать не скучно, а живо и элегантно.

¹⁷ DES – Диплом специализированной подготовки. До перехода Франции на Болонскую систему был вторым типом подготовки специалистов после университетов, наряду с DEA. По сути, предполагалось, что получивший его, не намеревается писать диссертацию.

Исторический труд должен быть написан, как роман, но оставаясь при этом трудом научным. Он учил, что надо писать так, как будто ты вообще пишешь первым на этот сюжет. Тогда это было очень необычно. Не в чести у университариев был такой стиль историописания. В университетах тогда преподавание было весьма школярским, требовалось повторять и заучивать. Мало места отводилось личным размышлениям. От Ф. Броделя я проникся убеждением, что писать об истории можно с удовольствием. К тому же он и новый тип исследований предложил, то есть историю экономическую, освобожденную от влияния религиозных, политических, военных напластований. Напротив, он показал большую роль в развитии капитализма крупной торговли, банков и торговцев. И в 1950–60-е гг. эта экономическая история сыграла важную роль в изучении прошлого, она обогатила его изучение постановкой историками новых вопросов. Новая экономическая история постепенно привела к обновлению преподавания и в Сорбонне. Например, там профессор Альфонс Дюфур, специалист по истории крестовых походов, стал представлять их через призму религиозной антропологии. К. Леви-Строс обновил метод, начав изучать мифологию, историческую антропологию. Словом, тогда историческая наука очень обогатилась новыми научными подходами. И все эти ориентации наметились благодаря Броделю. Я тоже смог найти свое направление, не желая участвовать в разворачивавшихся в то время дебатах вокруг Французской революции, в которых лидировала Компартия во главе с одним из крупных историков А. Собулем. Я же начал заниматься средними веками, которые в то время не очень котировались. Причём я убедился в том, что надо выходить за рамки национальной истории. Я отправился работать над документами по истории торговли, банков в итальянские архивы. Работа в итальянских архивах открыла мне мир, и я раскрылся как специалист. Средиземноморский мир представился мне с разных сторон, я начал задаваться вопросами о Ренессансе Европы. Через этот сюжет стала просматриваться перспектива перехода к изучению мира Атлантики, других частей света. Такой исследовательский разворот требует чтения трудов на иностранных языках, встреч с коллегами из других стран, а преподавание в то время у нас, даже в Сорбонне и Эколь нормаль, было слишком ограничено национальными рамками. Я, кроме как у Броделя, ни одного курса не могу припомнить, где бы преподавал приглашённый иностранный профессор. Это было возможно тогда лишь у географов, но не у историков. Даже если и читали курсы по истории США или России (особенно по России часто читали преподаватели с русскими корнями, которые могли читать по-русски), то все равно их

препарировали через видение национальной французской историографии. Благодаря Ф. Броделю, я сделал выбор в пользу открытости мира истории и историков. Отказался я также и от административной и политической карьеры, о чем, впрочем, не жалею. Так начал я заниматься историей, причем с методологической точки зрения взял курс на сближение её с экономикой, антропологией, археологией.

Юга Шерер: Я очень рано вышла замуж (муж мой был швейцарец), и мы уехали в США. Там я училась в Гарварде. Там же и повстречала того, кто определил мою дальнейшую карьеру как историка. Это был профессор Георгий Суворовский, выходец из русской эмиграции, священник. Именно благодаря ему я больше начала интересоваться интеллектуальной историей России, чем политической. Я защитила диссертацию о русской интеллигенции 80–90-х гг. XIX века, о тех, кто начинал, как марксисты, как Бердяев, Булгаков, Струве и кто сначала попытался соединить марксизм с этикой, а затем стал выразителем идей либерализма и религиозной философии. Я рассуждала в диссертации о том, что дал русской интеллигенции отказ от марксизма, и искала последствия этого. После смерти мужа я отправилась искать работу во Францию. Там в 1960-е гг. сильно ощущалось влияние ФКП, в том числе и в научном мире. Многие интеллектуалы были или коммунистами, или идейно близки к ним. А те, кто были антикоммунистами, не интересовались историей России. Лишь коммунисты изучали русскую историю. Я не была коммунисткой, но изучала русскую историю, поэтому меня атаковали с двух сторон: и коммунисты, и антикоммунисты. Можно сказать, что атмосфера, царившая во французской исторической науке в 1970–80-е гг. не благоприятствовала специализировавшимся по русской истории, кроме разве что тех, кто занимался XVI–XVII веками. А изучать историю XIX–XX веков было проблематично. Более того, в научном мире Франции не так, как в США, Англии, Германии относились тогда к интеллектуальной истории. Она не очень котировалась. Меня охватывало чувство, что я как бы и не совсем историк. Если бы я занималась экономической историей, то могла бы участвовать в семинарах М. Эмара. Интеллектуальная же история тогда для французов считалась скорее областью лингвистической.

Представленные в этом сюжете воспоминания дополняют картину наших представлений о «боях за историю» во Франции, прошедших во второй половине XX века¹⁸. А в связи с тем, что автору данной статьи недавно довелось написать рецензию на весьма солидный труд историка

¹⁸ Подробнее об этом см., например: *Ретина*. 2009.

из HEES И. Козна¹⁹, где доказывается, что XX век был «веком шефов», возникло соображение о том, не подтверждают ли эту идею рассказы французских историков. Наряду с этим, они не могут не навести современного читателя на мысль о предназначении исторической науки, о её связи с политикой и гражданских позициях ученых-историков.

Как в дальнейшем преломились на историческом исследовательском поле полученные от мэтров знания и опыт – это третий сюжет.

Жан-Нозль Жаннен: Во время нашей совместной работы в Нантере мы с Р. Ремоном и С. Берстайном задались целью поднять престиж политической истории и выдвинули идею написания сборника статей под названием «За политическую историю», как ответ «Анналам» и Ф. Броделю, которые специалистов по новейшей истории не очень-то жаловали. Сборник был полемический, детище команды Нантер-Сьянс-по. Я написал в нём введение, выступив сторонником обновления политической истории историей культурной, т.е. образами, рефлексией. А потом я заметил, что, когда обновлялась политическая история, совсем не уделялось внимания СМИ. Шли уже 1970-е гг., и тогда на меня очень повлиял друг семьи Пьер Нора. Когда он написал свой труд «Творить историю», я обнаружил и задумался о том, что в нём совсем ничего не говорилось об истории радио и телевидения. Так я взялся за эту проблему в Сьянс-по сам. С 1978 г. я начал вести семинар по истории аудиовизуальных средств, что было совершенно новым в преподавательской практике. Можно сказать, что с этого момента у нас в стране зародилась школа истории СМИ. Я убежден, что эта история способствует улучшению нашего знания о мире. И уже в течение 30 лет я рассматриваю политическую историю в этом ракурсе. Я сменил Р. Ремона на председателем поста в сенатской комиссии по присуждению ежегодных премий за исторические книги. Вместе с Э. Гигу²⁰ я вхожу в президиум Комитета по изучению европейской нации. Мы каждый год в местечке Блуа, в замке на Марн-ла-Вале, собираем франкофонных историков на три дня. Туда приезжает от 3 до 4 тыс. человек, и каждый год разворачиваются дебаты по разным темам. Например, обсуждали темы: «Восток», «Правосудие». В этом году (в 2011 г. – Г.К.) – «Приход к власти». В будущем планируем дискуссию по проблеме «Годы 1970-е». Там же организуется книжный салон – единственный, где выставляются только исторические книги. Участие в комиссиях дает мне возможность уловить кое-что в эволюции

¹⁹ Cohen. 2013. – Рецензия ожидает публикации.

²⁰ Элизабет Гигу – видный член Соцпартии, была министром в правительстве Ф. Миттеррана, ныне – депутат Европарламента.

мировой историографии. В течение 11-ти лет на радио «Франс кюльтюр» я веду передачу, которая называется «Согласование времен». Важно, что последние 30 лет историков приглашают выступать на телевидение. Меня сейчас очень интересует проблема участия историков в общественной жизни. Я собираюсь открыть дебаты по теме «история и политика». Я – за междисциплинарные методы в истории. В Сьянс-по мне очень нравится то, что многие тут изучают историю и одновременно готовятся к какой-то другой специальности. Я с большим удовольствием три года вел в его стенах семинар по сравнению политических культур. Сравнивал, например, христианскую демократию у нас и в Италии, Германии. Сравнительная история дает интересные результаты. Можно обнаружить в истории человечества иногда анахроничные, иногда синхронные процессы. Отсюда и родилась тема моей радиопередачи. Интересно, например, сравнивать избирательные кампании в Древнем Риме и сейчас.

Жиль Лё Бегек: Мне не довелось участвовать в книге-манифесте Р. Ремона «За политическую историю», но я был одним из авторов второго сборника – «Предмет и методы политической истории». В 1960–1970-е годы я погрузился в политику: стал членом национального бюро «Союза молодёжи за прогресс», на срок 1973–78 гг. избирался депутатом парламента. В парламенте я был советником Жана Шардонеля, Р. Пужада, писал для них политические выступления. Я был голлистом и редким политическим историком, который имел опыт работы во власти. Многие мои коллеги левых политических взглядов тоже вели активную политическую жизнь, но не участвовали в ней сами напрямую, особенно не готовили избирательные кампании, речи, как довелось мне. После подобного опыта уже по-иному будешь преподавать и представлять политическую историю. Становишься в известном смысле реалистом. Политика – это вопрос о власти и конкуренция ради власти. Я об этом и со студентами в семинарах говорил. На мой взгляд, работа во власти пошла мне на пользу и в интеллектуальном плане. Вот уже 20 лет, не будучи специалистом по истории Италии, я активно сотрудничаю с итальянскими историками. Скоро там выйдет в свет коллективный труд по истории европейского общественного мнения, в котором я являюсь автором. Я очень много читаю английской литературы, и особенно мне нравится то, как у них пишутся политические биографии. С прошлого декабря, после длительного участия в научном совете Фонда Ж. Помпиду я возглавил Ассоциацию Жоржа Помпиду и разработал 4-х годичную программу посвящённых

ему конференций. А теперь я еще начал с Л. Жераром из Сорбонны работать над политическими идеями XIX века²¹.

Элизабет дю Рео: Важную роль в исторической науке и для меня лично сыграла особая группа по истории Второй мировой войны. Именно в ее рамках на конференциях можно было встретить русских коллег. Например, мне запомнилась конференция в Монпелье, посвященная истории Первой мировой войны, где было специальное обсуждение отношений Франции и тогдашней России. Очень меня впечатлил еще один сюжет. Когда на одной из конференций по истории Второй мировой войны, где присутствовали польские ученые, был задан вопрос о Катыни, польский докладчик ответил, что не хочет говорить на эту тему. Теперь в этой проблеме нет «белых пятен», а тогда, в начале 1980-х гг., некоторые проблемы были табуированы в марксистской историографии. Благодаря Ж.-Б. Дюрзелю, мы смогли пригласить на преподавательскую работу в Сорбонну одного чешского историка, покинувшего страну в 1968 г. С 1990–93 гг. по совету П. Мильзы я обратилась к изучению истории европейского строительства в XX веке (имеется в виду европейская интеграция – *Г.К.*). Мне повезло поработать в архивах Брюсселя, Флоренции, Женева. В рамках этого проекта я начала активно контактировать со странами Восточной Европы: Чехией, Польшей, Венгрией. Удалось неоднократно выступать с докладами и в России.

Юта Шерер: Я некоторое время преподавала одновременно во Франции и в США. Став в 1980 г. директором исследовательской группы в Школе высших исследований по социальным наукам, я была ещё и профессором Колумбийского университета в Нью-Йорке. Высшая школа – это замечательный институт. Там ведутся только исследовательские семинары и только для студентов, пишущих диссертации. К тому же школа эта многонациональная. У меня было много немецких, американских и особенно итальянских студентов. После падения Берлинской стены появились первые русские, украинские, польские студенты, что не могло не сказаться на моей ориентации как преподавателя. Студентов западных, работавших над русскими сюжетами, в первую очередь учили понимать текст. Ведь мы не могли поехать работать в архивах. К тому же, какие могут быть архивы по интеллектуальной мысли, религиозной философии? Мы искали сюжеты, над которыми можно работать, находясь здесь во Франции или в США, через библиотеки. У меня самой неплохая

²¹ Автор статьи в декабре 2013 г. выступила с докладом на конференции, посвященной левому голлисту Л.Амону, которую организовали Ж. Лё Бегек и Н.Русселье под эгидой Центра по истории, руководимого Ж.-Ф.Сиринелли.

личная библиотека, университетские библиотеки тоже богаты на русские книги. Поэтому я работала с текстами. Я совсем не была близка, например, к методике Ф. Фюре, опиравшегося на количественные методы исследования, или Ф. Броделя, занимавшегося экономической историей. Все мои коллеги, кто занимался другими темами, работали в архивах. Например, Ле Руа Лядюри. Я никогда не ходила в архивы, даже в 1990-е годы. По советскому периоду эти архивы необходимы, но не по другим, по которым уже многие источники опубликованы. Более того, когда в России я побывала в архивах, там мне предлагали фотокопии документов, что меня не устраивало. Появились ведь новые методы и проблемы, поднимаемые исследователями. Раз в неделю, по субботам я даю семинар по истории русской мысли. В этом году, например, весь год мы изучали творчество П. Чаадаева. Причем анализировали, как его тексты воспринимали в России современники, в начале XX века, наконец, сейчас. Годом раньше в таком же ракурсе изучали наследие В. Розанова. Когда в годы перестройки я впервые приехала в СССР, я была совершенно очарована жизнью советской интеллигенции, которая, на мой взгляд, чрезвычайно демократизировалась. В стране были гласность, свобода публикаций. И я принялась изучать современную историю. Я стала историком по советской интеллигенции периода перестройки, 1990-х годов.

Не все, с кем беседовала автор статьи, детально останавливались на собственных научных достижениях. Например, М. Эмар, больше говорил о вкладе французской исторической науки и «школы Анналов» в мировую копилку знаний об обществе. Его рассказ и лёг в основу *четвёртого сюжета – о мировой значимости французской историографии*.

Морис Эмар: В 1968 г. произошёл крупный поворот в исторической науке в плане ее сближения с исторической антропологией. Естественно, у антропологов другой объект исследования, равно как и другие методы. Но один из главных методов антропологии историки позаимствовали. А именно: задаваться вопросом о том, как можно изучать такие стороны жизни человека, по которым не существует прямых письменных документов. Например, как понять историю жизни семьи, взаимоотношений в ней? Это можно изучать, лишь наблюдая поведение людей, а потом делать обобщения, находя различия между регионами и разными социальными группами. То же можно сказать о вкладе антропологии в изучение религии. Благодаря антропологии, расширились наши представления о культурных моделях общества, традициях. А археология примерно таким же образом обогатила изучение истории развития техники. Если говорить о том, что привнесла броделевская история в преподавание, то скажу следующее. Раньше историю объясняли, основываясь только на

том, о чем можно было прочитать в источниках, то есть, с чем события и процессы можно было идентифицировать. Для достоверности требовалось также ссылаться на труды предшественников. Сегодня, благодаря методам археологии и антропологии, к преподаванию истории широко привлекаются новые источники. А это, в свою очередь, позволило углубиться в изучение весьма отдалённых периодов истории, и главное – провести параллели с нашими днями. Иными словами, с 1960–1970-х гг. историческое знание не основывается лишь на письменных источниках, что позволяет исследователям прочувствовать, ощутить человеческую жизнь во всём многообразии. Возьмём такой пример, как история браков. Изучая их, можно увидеть региональные особенности и понять, почему выбирали тот или иной тип брака. Теперь существует возможность изучать культуру поведения через историю, рассматривая, например, как Вы пьете кофе, как жестиккулируете. Ф. Бродель в первую очередь интересовался материальными вопросами, изучая историю долгого времени. Этой долговременной истории присуще длительное социальное поведение. И меняется она более медленно, чем другие стороны жизни человеческого общества. В 1970–1980-е гг. во Франции сложились многочисленные исследовательские группы, работавшие в новом направлении. В Европе и США история как научная дисциплина начала интернационализироваться. Стали приглашать французских профессоров в американские университеты, в Канаду, Бразилию, Германию, Испанию, Италию. Словом, мои коллеги, начиная с 1970-х гг. много выезжали за границу. Так французская школа установила контакты с другими историческими школами. Причем до середины 1980-х гг. к ней относились в мире с большим пиететом, её методам следовали, особенно многочисленные американские ученые – историки и социологи. Под влиянием французов появилась итальянская микроистория (Карло Гинзбург и др.). В самой Франции и в Германии появились новые интерпретации истории, например, история повседневной жизни. Это ведь новый тип историописания. Появились параллельные, сравнительные исследования. Таким образом, наступил период открытости истории, её новые идеи и подходы распространились в мировом масштабе. Например, состоялось действительное примирение французской и германской историографии. До этого ведь очень редко французские историки, занимавшиеся немецкой историей, интересовались трудами немецких коллег. В основном интерес к Германии проявлялся в филологии. С итальянской историографией примирение произошло еще раньше. Затем возник интерес к истории Индии. Ставился вопрос о том, как страна с такой длительной историей колонизации со стороны Англии, смогла сохранить английское интеллектуальное влия-

ние, не оставшись в то же время в стороне от влияния марксизма. Подобным же образом сложился интерес к истории Китая. В 1970-е гг. установились контакты с польскими, венгерскими историками, которые, хотя и были воспитаны в духе марксизма, с огромным желанием открывались миру. Среди таких польских историков был, например, будущий политик Бронислав Геремек, который учился во Франции еще в 1950-е гг. Он изучал маргинальные слои, что для марксистской историографии было необычным, ибо она изучала историю классов. В то время было очень важно и своевременно изучать социальную историю через маргинальные слои, чтобы показать и понять сложившиеся в обществе различия. Словом, это был нетрадиционный марксизм. Б. Геремек – очень важный и показательный пример, так как в постсоветской Польше он оказал заметное влияние на внешнюю политику страны. Он был больше популярен за границей, чем в Польше. С Россией, хотя и медленнее, но тоже постепенно с 1980-х гг. стали налаживаться контакты историков. В числе первых, с кем они возникли, был А. Гуревич. И тогдашнее руководство Академии наук СССР охотно шло нам навстречу. Начались взаимные приглашения на конференции. Иными словами, связи между французскими и советскими историками установились задолго до 1989 г. В частности, советские историки приезжали на конференцию по «Анналам». Вообще, благодаря расширению контактов и познавательных горизонтов и политическую, и военную историю стали по-иному изучать. Исследователи обратились к новым проблемам, задавались новыми вопросами. Появилось второе поколение историков после Л. Февра и Ф. Броделя: Ж. Ле Гофф, А. Турен, хотя он социолог, Ф. Фюре. Словом, история задвигалась, оживилась. Например, благодаря Ж. Ле Гоффу, перестали смотреть на Средние века как на переход от Античности к Новому времени и признали за этим периодом истории право на собственную жизнь, структуру и культуру и ринулись его активно исследовать. Я думаю, что связь истории с другими социальными науками (антропологией, социологией, лингвистикой) уже неразрывна. Это важное достижение исторической науки в целом. Это дает возможность по-разному представлять историю. Расширяются горизонты познания истории, в частности через повседневную жизнь. Сегодня, как мне думается, все историки выступают за междисциплинарность в исследовательских подходах.

Нельзя не поддержать М. Эмара, но в то же время и не обратить внимания на некоторые тревожные нотки в размышлениях его самого и его коллег, из которых сложился *пятый сюжет статьи – о современном состоянии исторической науки во Франции.*

Морис Эмар: В 1950–60-е гг. экономическая история играла важную роль в изучении прошлого, она обогатила это изучение постановкой историками новых вопросов и новыми открытиями. А сейчас она несколько забыта именно потому, что сама превратилась в дисциплину сплошь повторения и заучивания. Сегодня экономическая история нуждается в обновлении. А если говорить о национальных особенностях французской историографии, то к ней вполне можно применить формулу Ф. Фюре, высказанную по случаю 200-летия Революции 1789 г., об окончании французской исключительности. С другой стороны, во Франции издается много книг по истории, и у населения есть к ним интерес. В последнее время немаловажную роль в оживлении философского характера дебатов об истории играет итальянская историография. Там проводится много интересных конференций. Вообще, благодаря интернационализации, переводам научных трудов, взаимным встречам и контактам различия между национальными историческими школами исчезают. Они сближаются. Остается, правда, для европейской исторической школы весомая проблема – перевод трудов её авторов на английский язык, который теперь стал языком международного общения. Важно знать и славянские языки: русский, польский. Знания иностранных языков сегодня явно не хватает французским историкам. К тому же немало еще специалистов остаются замкнутыми на изучении истории лишь собственной страны. Выход европейской историографии на другие исторические школы необходим. Например, китайскую и российскую.

Жан-Ноэль Жанненэ: Современная политическая история весьма обогатилась за счет вторжения в её пространство подходов и методов культурной истории. Хотя теперь мне кажется, что мы слишком увлекаемся ей, за представлениями, или репрезентациями, мы перестали обращать внимание на факты. Мы все изучаем «образ того», «воспоминание о том», «память о том». Например, что касается периода правительства Виши. Это важно, особенно когда изучаешь радио и телевидение. Но из-за такого перекоса сейчас пропал интерес к истории социальной, экономической. Теперь эти дисциплины в кризисе, а когда я был студентом, они доминировали. В Париже–IV особенно ощущается тяга к обновлению истории международных отношений, в том числе дипломатической истории. Даже античная история во многом обновилась. Хотя надо признать, что курс на эволюцию исторического знания идет параллельно с превращением английского языка в язык межнационального общения. Отчасти поэтому французская историография, особенно новейшая, утратили свой престиж по сравнению со временем «Анналов» и П. Нора. Кроме того, появилась плеяда «историков правительства» (Норьель, на-

пример, один из таких), которая нападает на мэтров. Это те, кто при правительстве работают, узко мыслят, социально не очень себя прочно ощущают. Они выпускают массу «карманных книг», где критикуют мэтров, цитируют без ссылок меня, например, из моей книги «Республика нуждается в истории». Появились проблемы, слишком подвергнутые рассмотрению в зеркале истории. Например, Первая мировая война. Ей посвящены такие сомнительные книжки, в которых рассуждают о том, почему шли солдаты на войну: из-за патриотизма или страха быть расстрелянными. Иными словами, выросло поколение историков как бы другой чувствительности. Для них наука – выдвинуть идею, и неважно, что она принесет. Я люблю писать, это не мой подход. Между тем, важно, что сейчас история перестала быть замкнутой. Теперь можно самому открыться миру и открыть его для себя. Но все-таки нация остается. Я считаю, что до сих пор существуют национальные историографические школы, и это нормально. Хотя и нынешняя открытость школ прекрасна. Если касаться новых исторических тем, то отмечу, что большой интерес сложился к жанру биографий, который в 1970-е гг. у нас не приветствовался. Новые биографии интересны потому, что в них пишут не о том, что ел-пил тот или иной лидер, а о том, что было особого в формировании его личности, как и что повлияло на ее становление и эволюцию. Существует ещё одна проблема – финансирование изданий. Ну, и новые технологии ведут к тому, что пропадает интерес к книгам.

Морис Вайс: Что касается существования национальных исторических школ, то в значительной степени, что, впрочем, не вызывает у меня опасения, они исчезают. Люди ведь все больше и больше трудятся по всему миру. Я бы сказал, что идет двойной процесс. С одной стороны, ученые сильно замыкаются в своей узкой специализации, а с другой – испытывают влияние других школ благодаря обменов, конференциям, совместным программам. Без сомнения, происходит формирование межнациональной исследовательской школы. В то же время появляются, например, американские работы по Франции, но ссылаются в них авторы лишь на американских авторов, написавших о нашей стране. С одной стороны, выходят совместные труды, например, по Европе, ядерной безопасности, с другой – между исследователями сохраняется изолированность, причина которой – лингвистическая. Поэтому я настаиваю на важности переводов или умения самих авторов писать на иностранных языках. Чего не хватает французской историографии? На мой взгляд, сравнительных работ. Особенно по международным отношениям. Смотреть, что происходит по другую сторону границ – это желательно. Нужен к тому же постоянный диалог с другими научными школами. Его пре-

красно можно вести во время совместных научных форумов. Конференции позволяют узнать другие школы и как ведут они свои исследования. Нужен живой диалог. Раньше диалог между учеными велся в письмах, теперь – по Интернету, но для меня живое общение важнее.

Жиль Лё Бегек: Я думаю, что во Франции не очень доверчиво относятся к политической истории. Например, в Нантере в течение пятнадцати лет я никого не мог найти на замену на пост профессора по политической истории. В новейшей истории на сегодня нет таких крупных и авторитетных специалистов, каким был в свое время П. Ренувен. Мало специалистов во Франции изучает историю политических институтов. Только Николя Русселье. До сих пор у нас историей политических идей больше занимаются филологи или политологи. На мой взгляд, политическая история во Франции недостаточно еще открыта другим дисциплинам, в частности, концептуальным или правовым. И я считаю, что слишком много в ней присутствует история культурная. Я в Сьянс-по вместе с П. Коши и Ж.-Ф. Сиринелли согласился составить рабочую группу для размышления над перспективами политической истории.

Сабина Жансен: Так как мое становление как историка происходило в самых разных местах, то я сохранила вкус к разнообразию. Не имея пристрастия к догматизму, я считаю, что в историографии могут существовать различные точки зрения при условии, что в них строго учитываются научные критерии. Очень долгое время жанр биографий, к которому я очень тяготею, не почитался. Сегодня этот сюжет уже никто не ставит под сомнение, что чрезвычайно обогащает историографию. Кроме того, история выиграла на пространственно-временном отрезке, так как в 1990-е годы новейшая история легитимизировалась, что долгое время оспаривалось. Это стало возможным после опубликования в 2008 г. закона о сокращении срока давности архивов. Вместе с тем, параллельно идёт процесс фрагментации истории. Франсуа Досс справедливо говорит о том, что история «в осколках». Я думаю, что если сегодня трудно выделить крупные историографические тенденции, то это оттого, что французская школа находится в некоторой стагнации, выдохлась. Безусловно, это несколько не ставит под сомнение её прежние успехи и достижения, и не будет преувеличением сказать, что Франция в мировой историографии доминировала в 1930–1970-е гг. Но надо признать, что сегодня французская историография – тень самой себя. Мы являемся, прежде всего, свидетелями доминирования англо-саксонской историографии, более динамичной и продуктивной, пользующейся к тому же привилегией господства её языка. Сегодня существуют еще национальные исторические школы, что зависит от различий в подготовке и от того, на кого ссылают-

ся историки в своих исследованиях, но мы наблюдаем очень активную мутацию. Вместе с унификацией системы образования, начатой в Лиссабоне, и интернационализацией рынка образования, различия начинают стираться. Я думаю, что французским историкам, почивающим на лаврах прошлых успехов, не хватает смелости и открытости. Они замкнуты в своих рамках и не подвигают своих воспитанников на поиск новых научных идей. Сейчас, когда подумаешь, что в 1980-е гг. можно было закончить полный курс обучения по специальности «история» в Сорбонне, не посещая ни одного курса по иностранному языку, изумляешься. Надо отметить, что долгое время бедность университетов составляла их слабость. В том смысле, что они не могли развивать связи, продвигать свою научную продукцию. Сегодня очень трудно найти средства для перевода статей и книг. Если мы хотим продвигать наши труды, которые отнюдь не уступают по значимости англосаксонским, надо избавиться от самобичевания и галльской замкнутости.

Думается, что в рассуждениях французских коллег о современном положении исторической науки в их собственной стране нетрудно провести сравнительную параллель с российской действительностью. Явное сходство прослеживается в том, что некоторым российским историкам старшего поколения, особенно тем, кто замыкался исключительно на изучении истории России, в постсоветский период не хватает достаточного знания английского языка и финансовых возможностей для перевода своих трудов, зарубежных поездок, чтобы приобрести известность в мировом историческом сообществе. А, как известно, рейтинг признания историков не только в мире, но и в нашей стране всё чаще зависит теперь от упоминания в списках цитируемости авторов, составленных главным образом на основании публикаций на английском языке. Тем не менее, открывшись миру, отечественная историческая наука продемонстрировала, что на должном уровне овладела новыми методами и подходами, и у нас появилось много серьёзных монографий и коллективных научных трудов, написанных с их применением.

Юта Шерп во время беседы справедливо отмечала: «В России многое изменилось после перестройки, а у нас многое изменилось потому, что изменилось у вас. Молодые историки в России после крушения Берлинской стены сразу ринулись в архивы. В вашей стране появился огромный интерес к религиозной философии, издали Бердяева. На мой взгляд, может, теперь его даже слишком тиражируют. Раньше у меня не было ни одного русского студента в семинаре, теперь есть»²².

²² Из интервью 14 декабря 2011 г.

Морис Эмар, остановившись на вопросе об оценке российской историографии, сказал следующее: «Хочу отметить, она прошла через несколько крупных этапов или моментов в развитии. В дореволюционный период существовало немало известных в мире русских историков, например Н. Кареев. Революция привела к разрыву. Те, кто в эмиграции делал карьеру, так и продолжали считаться русскими историками по причине происхождения. Из тех, кто остался в России, за её пределами известен был Е.Тарле. Второй разрыв произошел в 1989–91 гг., когда пал коммунистический режим. Ведь в советский период ваша историография отгородилась от мировой. Историки в то время занимались собственной революцией и тем образом, который ей навязывал политический режим. Они все время обязаны были ссылаться на марксизм. Хотя и тогда у вас были специалисты, изучавшие другие страны и проблемы: Б. Поршневу, А. Гуревичу. Изучали, в частности, проблемы истории Средних веков, но эти темы не вписывались в официальную историю. А когда произошла перестройка и открылись архивы, наоборот, мы, западные историки, все увлеклись советским периодом и ринулись в ваши архивы. Не знаю, так ли в то же время эти архивы русских историков интересовали. А у российских историков открылась возможность и появилось желание ездить по миру. XX век очень важен для российских историков. В это время отечественная история снова воссоединилась, те, кто оказался в эмиграции, хотя бы в своих трудах возвращались на Родину. Отмечу еще один парадокс периода разрыва между историографией советской и мировой. Те, кто у нас занимался Византийской историей, знали греческий язык, но не знали русского. А у вас ведь были тогда крупные византилисты»²³.

На аналогии наводит и последний, *шестой сюжет предлагаемой статьи – о проблемах преподавания истории во Франции.*

Жан-Ноэль Жанненэ: Если говорить о преподавании, то в первую очередь надо отметить, что прежнее поколение, в том числе и мое – мы были эгоцентристами, не могли говорить по-английски. Сейчас это обязательно. Хотя иногда мне странно, когда студентам-французам предлагают обучение на английском. Другая проблема сейчас – нехватка студентов. В Сьянс-по этого нет, но в Сорбонне – наблюдается. Отчасти это и из-за проблемы финансирования образования. Я ничего не имею против Болонской системы. Она позволяет студентам путешествовать. В Сьянс-по мне очень нравится то, что многие изучают в этих стенах историю и одновременно обучаются какой-то другой специальности. Когда мы преподаем историю, надо задаваться вопросом, что она нам

²³ Из интервью 7 и 20 декабря 2011 г.

дает, зачем она нужна. Преподавание истории требует постоянного обновления и обогащения, с одной стороны, сравнения настоящего с прошлым, а с другой – удовольствия от рассказа. Сейчас у нас идет очень много дебатов по вопросам преподавания истории в средней школе, в частности, в последнем классе лицея по специализации в естественно-научной области. Надо поразмышлять над программами. В лицеях часто излагают историю по большим темам, а надо бы и с хронологией эти темы согласовать. А то однажды я видел в одной программе, что войну 1940 г. изучают перед темой о нацизме. Как можно объяснять войну, не рассказав предварительно о нацизме? Вообще, вопросы преподавания истории – это вечная борьба. Борьба между историей и СМИ. Особенно в условиях Интернета. Надо учить принципу и проблеме классификации, готовить к использованию с умом Интернет-ресурсов.

Морис Вайс: Сейчас проходит много манифестаций в пользу того, чтобы больше места отводилось преподаванию истории. Я считаю, что очень важно учить историю в средней школе, но не надо создавать слишком замкнутый корпус учителей, и не стоит им слишком рьяно обороняться. Не мешало бы им тоже заниматься исследованиями, иметь научные публикации. Думаю, что школьная реформа не должна сводиться только к вопросу о количестве учебных часов по истории. Я не безоговорочный сторонник Болонской системы потому, что не стало общих годовых университетских циклов, в ходе которых прежде можно было увидеть прогресс студентов. Если раньше в Сьянс-по было 14 учебных недель, то теперь 12, а то и 10. Я не уверен, что за 10 недель можно действительно изучить крупную историческую проблему. Хотя, с другой стороны, в нашей образовательной системе предпринято огромное усилие, чтобы освободиться от национальных рамок. Очень продвинулись мы и в плане написания учебников. Считаю, что стоит внимательнее рассмотреть проблему использования источников в преподавании истории.

Жиль Лё Бегек: Я не очень одобряю изменение нашей программы преподавания истории. Она мне не очень понятна. Хотя я сторонник магистерских курсов, которые требуют обязательного присутствия студентов на занятиях. Студенты явно стали более мотивированными в плане выбора специальности. В бытность свою преподавателем я читал курсы не только по политической истории Франции, но и Италии, Англии, Германии. Общие курсы у нас читаются на 1–3 годах обучения, потом идут магистерские исследовательские семинары. До прихода в Нантер я поработал профессором в университетах в Лиможе и в Нанси. Довелось мне прочесть много разных лекционных курсов для подготовки агрегаций. Мне кажется, что сейчас, с современным развитием науки, одолеть такой

объём дисциплин невозможно. Когда-то я читал лекции по экономике и даже по философии. А. Пейрефит²⁴ хотел отменить агрегации, но спас их Ж. Помпиду. Агрегации – специфика французской системы подготовки преподавателей. Хотя она и не установлена законом, но отборочные комиссии всегда смотрят на наличие сдачи агрегационных экзаменов у конкурсантов. Какое неудобство для исторической специальности несёт сейчас эта агрегация? Теперь между окончанием курса «мастер-2»²⁵ и временем для написания диссертации есть перерыв в два года на подготовку к агрегационным экзаменам. Причем это ведь надо заниматься не по теме своей будущей диссертации, то есть наступает своего рода прерывность в диссертационном процессе. Подобной процедуры не существует не только за границей; так, у наших политологов и юристов агрегация сводится к конкурсу при приёме на работу после защиты диссертации, проходящему в виде собеседования.

Элизабет дю Рео: В начале моей карьеры мне пришлось преподавать в средней школе, что очень помогло мне понять ее проблемы. Мне кажется, что основная трудность преподавания истории в лицах на протяжении последних двадцати лет кроется в сильном перекосе в сторону истории тематической в ущерб хронологии событий. Например, учат так: проблемы экономических кризисов, проблемы колониальной истории, проблемы политических кризисов. Все учителя говорят, что из-за такого построения учебной программы учащиеся абсолютно потеряны, так как им трудно ориентироваться и понять, как вписываются эти проблемы во временные исторические отрезки. Что касается переживших немало реформ университетов, то я принимала участие во внедрении в Сорбонну Болонской системы. Согласно ей, унифицировалась система обучения в Европе по схеме: 3 года – лицензиат, 2 года – мастер и 3 года – диссертация, хотя в этот срок мало кто ее защищает. Положительным нахожу в реформе то, что она позволила студентам поучиться в разных европейских университетах. Много наших студентов отправляется в Германию, Англию. С США пока эта система меньше действует. Основные трудности от внедрения Болонской системы проявляются на 4-м и 5-м годах обучения. Сегодня в силу разных причин, и не в последнюю очередь финансовых, после лицензиата многие студенты задаются вопросом о том, нужна ли им диссертация, перед написанием которой обязательно надо пройти программу «мастер-2», и что она дает. К тому же у меня возника-

²⁴ Бывший министр Национального образования в правительстве де Голля, на долю которого выпали Майские события 1968 г., повлекшие его отставку.

²⁵ Во Франции магистерские программы называются «мастерскими». Сокращённо, 1 год обучения – «мастер-1», второй – «мастер-2».

ют сомнения в том, можно ли, руководствуясь одинаковыми критериями при подготовке специалистов, скажем, в информатике и истории?

Сабина Жансен: Система преподавания во Франции пребывает в кризисе, что касается и истории. Историческая дисциплина не выглядит как значимая специальность, приносящая плоды в дальнейшей жизни. Поэтому нынешние студенты отдают предпочтение праву, политическим наукам, экономике. Сегодня, в условиях глобализации мы переживаем период глубокой трансформации, в результате которой исчезают старые рамки, но и новая система еще не ясна. На мой взгляд, интернационализация – это прекрасная вещь, но я не уверена в том, что лихорадочная соревновательная гонка, в которую втянуты университеты, создает благоприятные условия для продвижения исторического знания. Еще меньше восторга у меня вызывает то, что мы вступили в полосу жесткого подсчета в исследовательской деятельности. Сейчас пытаются внедрить одинаковую политику подсчета результатов для совершенно разных дисциплин. Полагают, что исследования по физике или биологии требуют значительного финансирования, а история – нет. Научная прибавочная стоимость книги отнюдь не пропорциональна её цене. Наши предшественники писали крупные труды по истории, не будучи связанными кредитами от Национального агентства исследований, созданного 7 февраля 2005 г. (ANR), или от Европейского исследовательского центра (ECR). Можно лишь порадоваться возможности получения кредитов после стольких лет пустоты, но обидно, что проблема кредитования превалирует над значимостью научного исследования.

Морис Эмар: Думаю, что, в принципе, у нас в школах и лицеях отводится должное место истории. В начальной школе по важнейшим событиям изучают лишь историю Франции. В лицее уже углубленно изучают историю свою и всемирную. Она преподается в сравнительной перспективе по отдельным темам. Например, история индустриализации. В университетах на исторических факультетах наряду с историей изучают много других общественных наук: социологию, политическую историю и т.д. Но такой набор дисциплин предлагается лишь тем, кто специализируется по новейшей истории, т.е. по XX веку. Не думаю, что я очень хорошо понял Болонскую систему, какой у нее смысл. Что в ней представляется мне интересным, так это система разработки лекционных курсов. В мое время общие курсы читались традиционно, в строгой хронологической последовательности, а теперь профессора проблемы трактуют по-разному. Например, в курсе по истории международных отношений в 1939 г. можно поставить проблему «истории страха», «ис-

тории детей» и т.п. Теперь преподавание истории не сводится только к изучению фактов, в нём можно затрагивать разнообразные темы.

Возвращаясь к аналогиям и сопоставив то, о чём с некоторой тревогой и сожалением поведали французские историки, касаясь существующих в системе преподавания проблем, вполне очевидно, что профессорско-преподавательское сообщество историков, как Франции, так и нашей страны переживает непростой период и сталкивается со сходными вызовами. Несомненна также и польза от диалога и взаимного обмена мнениями, в результате которого можно по-новому взглянуть и оценить собственные трудности и может быть, в будущем найти им решение. И почему-то вспомнилось выступление академика А.О. Чубарьяна (по случаю 10-летнего юбилея Французского колледжа в МГУ), процитировавшего известного британского историка Э. Карра о том, что историй должно быть столько, сколько историков.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ваисс М.* Международные отношения после 1945. М.: Городец, 2005. 336 с.
- Канинская Г.Н.* Жизненный путь Ж-Б.Дюрозеля: выбор случайный, призвание навсегда // Французский ежегодник 2002. М., 2002. С. 101–119.
- Канинская Г.Н.* Историк и времени и о себе. Интервью с Директором центра исторических исследований Института политических наук г. Парижа профессором Ж-Ф.Сиринелли // Диалог со временем. 2009. Вып. 30. С. 275–288
- Канинская Г.Н.* Французские историки о пространстве «новой политической истории»: от становления до испытания глобализацией // Диалог со временем. 2012. Вып. 38. С. 299–323.
- Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. 2-е изд. испр. и доп. М.: ЛКИ, 2009. 320 с.
- Смирнов В.П.* Фернан Бродель: жизнь и труды // Французский ежегодник 2002. М., 2002. С. 79–100.
- Cohen Y.* Le siècle des chefs. Une histoire transnationale du commandement et de l'autorité (1890–1940). P.: Editions Amsterdam, 2013, 871 p.

Канинская Галина Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова; kaininsk6@mail.ru